

.- 2009. - 4. - .25-32.

УДК 94:343.26(470.1/2)«19»(045)

ШУБИН Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор 75 научных публикаций

СОЛЬВЫЧЕГОДСКАЯ ССЫЛКА СТАЛИНА

В предлагаемой статье в преддверии 130-летнего юбилея Сталина рассказывается о его пребывании в сольвычегодской ссылке, куда по этапу молодой революционер прибыл 100 лет назад. Автор анализирует отношение к будущему вождю со стороны царской охранки, а также то, какие последствия спустя десятилетия имела эта ссылка, продолжавшаяся 18 месяцев и оставившая заметный след в истории региона.

Сталин, Сольвычегодск, ссылка, царская охранка, революционер-provokator, культ личности, репрессии

100 лет назад, 24 февраля 1909 года, Сталин по этапу прибыл в сольвычегодскую ссылку, в которой, по собственному определению, в качестве «чудака Иосифа» пробыл в общей сложности 18 месяцев. Пребывание будущего вождя народов в северной ссылке до сих пор оставляет немало белых пятен.

Работая над книгой «Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы», я обратил внимание на то, что на рубеже 1920–1930-х годов культ Сталина как вождя на Вологодчине формировался труднее, чем в других регионах страны.

С тяжелым чувством, например, уезжал из Вологды в мае 1929 года после очередной губпартконференции секретарь Севкрайбюро ЦК ВКП(б) С.А. Бергавинов. А вывели его из себя слишком смелые вопросы вологжан о причинах резко меняющейся политики партии, получившей в истории название «великого» перелома:

«Если сейчас говорим о разжигании классовой борьбы, почему т. Сталин гово-

рил в 1925 году, что разжигание борьбы есть меньшевистская энциклопедия (так в документе. – С.Ш.)?

Почему Сталин говорил о единстве в Политбюро тогда, когда его не было?»¹

Отчаянно выступали коммунисты Вологодчины и против замены местного партийного руководства, которой добивалась формирующаяся в Архангельске администрация Северного края. Смело полемизировали с организаторами края по поводу выбора его столицы, считая, что краевым центром должен стать не Архангельск, а Вологда, в крайнем случае Котлас.

Одной из причин вологодской оппозиционности был, на мой взгляд, недостаточный авторитет Сталина, которого здесь хорошо знали не в качестве несгибаемого героя-революционера, а в качестве «чудака Иосифа» да ссыльного бабника, немало наследившего на Вологодчине.

Интересно и то, что решение о ссылке И. Джугашвили в Вологодскую губернию, судя по документам, принималось 29 сентября 1908 года самим председателем Совета Министров Рос-

сии П.А. Столыпиным², а вологодским губернатором был в то время А.Н. Хвостов, будущий министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов³.

Спустя почти полгода, 24 февраля 1909 года, ссыльный по этапу прибыл в Сольвычегодск. С 24 июня 1909 до 24 марта 1910 года он находился «в бегах», в конце октября был вновь водворен в Сольвычегодск. «За окончанием срока ссылки» 6 июля 1911 года ему разрешили проживать в Вологде, где он пробыл до 6 сентября – дня отъезда в северную столицу. После очередного задержания в Санкт-Петербурге (5 декабря) – новая ссылка в Вологду, откуда будущий вождь скрылся 28 февраля 1912 года⁴. Таким образом, Сталин пробыл в северной ссылке более 18 месяцев. Они оставили заметный след в его памяти о пребывании на Севере. Для этого были веские основания. Не случайно Василий Белов, хорошо знающий историю и психологию северян, в книге «Год великого перелома», описывая день 50-летнего юбилея Сталина, нашел необходимым включить в повествование реакцию вождя на приветственную телеграмму из Архангельска: «Связись с Бергавиновым, – говорит юбиляр Покребышеву, – скажи ему, что переименовывать города намного легче, чем строить социализм (льстец Бергавинов, секретарь комитета ВКП(б) Северного края предлагал тогда переименовать Архангельск в Сталинопорт. – С.Ш.). Пускай лучше поскорее разбирается с вологодскими правыми»⁵.

Вологда к концу 1920-х годов оказалась своеобразной Меккой новой экономической политики в ее северном своеобразии. Сочетание недостаточной авторитетности Сталина с укоренившимся здравым смыслом вологжан и стали причиной, так называемого, правого уклона Вологды, выступающей против политики «великого» перелома. Архангельские «оппортунисты» к этому времени уже были разгромлены⁶.

«Кавказец» и северянки. Вологжанам были хорошо известны прежде всего «амурные» связи ссыльного Иосифа. Достаточно вспомнить его внебрачного сына Константина Кузакова, которого здесь хорошо знали в конце

1920-х годов даже местные комсомольцы. Да и сам Кузаков накануне своего 90-летия в газете «Аргументы и факты» признал, что «я был еще совсем маленьким, когда узнал, что сын Сталина»⁷.

Мать, Матрена Прокопьевна Кузакова, в Сольвычегодске была известна, по словам Э. Радзинского, как гостеприимная хозяйка, принимавшая многих революционеров⁸. Интересная информация о связях молодого Джугашвили с вологодскими представительницами слабого пола имеется в архивах.

Оказывается, свой первый побег из Сольвычегодска 29-летний Коба совершил с помощью некоей учительницы Мокрецово, переодевшей его в женский сарафан и в этом одеянии проводившей до лодки, на которой он «уплыл на большую землю»⁹.

Ссыльного «кавказца» тепло вспоминает и 17-летняя в ту пору Софья Крюкова, учившаяся на портниху в семье домохозяйки, у которой квартировал Сталин: «Думаю, что не может быть, чтобы Иосиф Виссарионович меня забыл, всегда он был очень внимательным ко мне»¹⁰. Если вспомнить, что в Туруханском крае Сталин, находясь в ссылке, совратил 14-летнюю девочку-подростка Перелыгину, станет понятно, почему столь откровенное признание юной вологжанки было предусмотрительно вычеркнуто цензорами из текста подготовленной рукописи книги «Сталин в царской ссылке на Севере», так и не увидевшей свет и хранящейся сейчас в Архангельском государственном архиве¹¹.

Показательна и история взаимоотношений Иосифа Джугашвили с парой несостоявшихся молодоженов. Самым близким знакомым Иосифа в Вологде был торговый служащий, в недавнем прошлом ссыльный, П.А. Чижиков (умерший, якобы, от туберкулеза в 1919 году в Харькове в возрасте 31 года). Это с его паспортом Сталин выехал 6 сентября 1911 года в Санкт-Петербург.

Незадолго до отъезда будущего вождя народов в северную столицу к 23-летнему Петке – так, по обыкновению, называл его Сталин – приехала симпатичная девушка Пелагея

(Поля) Ануфриева, закончившая Тотемскую женскую гимназию. Судя по документам и книге Е. Громова «Сталин: власть и искусство», молодые люди собирались пожениться. Во всяком случае, девушка остановилась на квартире Чижикова¹².

У вологодских жандармских филеров, следивших за ссыльными, Пелагея проходила под кличкой «Нарядная», П. Чижиков был прозван «Кузнецом», а Джугашвили – «Кавказцем». Последний, судя по донесениям филеров, быстро расстроил планируемое бракосочетание. В конце августа – начале сентября он нередко надолго задерживался у «Нарядной» в отсутствие жениха, попавшего, по-видимому, под полное влияние Кобы. Об этом свидетельствуют дословные донесения местных филеров¹³.

Примечательно, что в подготовленной к печати уже упоминаемой книге о сталинской ссылке эти документы приводятся, однако с серьезными купюрами тех мест, которые могли бы бросить тень на вождя, что является лишним подтверждением нашей версии о причастности Кобы к расстройству женитьбы Чижикова и Ануфриевой.

Сохранились воспоминания «Нарядной» о встречах со Сталиным, книга, подаренная ей с утливой надписью: «Умной скверной Поле от чудака Иосифа», и две открытки от вновь сосланного в Вологду в декабре 1911 года И. Джугашвили.

Открытки, адресованные в Тотму, куда Пелагея вернулась после вологодских каникул и несостоявшегося брака с П. Чижиковым, интересны как по форме, так и по содержанию. На первой, декабрьской, изображены нимфы с обнаженной грудью, а на второй – скульптурные фигуры целующихся обнаженного мужчины и полуобнаженной женщины. Любопытен текст открыток: «Ну-с скверная Поля, я в Вологде и целуюсь с дорогим, хорошим Петенькой (несостоявшимся женихом Полины. – С.Ш.). Сидим за столом и пьем за здоровье умной Поли. Выпейте же и Вы за здоровье известного Вам «чудака». Иосиф».

В февральской открытке кавказец дружески нежен:

«...За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горrrrrрячо (просто целовать не стоит). Иосиф»¹⁴.

Амурные связи Сталина не ограничивались отношениями с местными женщинами. Есть свидетельства о том, что свой первый побег из Сольвычегодска он совершил с некоей Стефанией Петровской, которая при задержании в Баку призналась, что «состоит в сожительство с И. Джугашвили».

Коба – провокатор? Слухи о том, что Коба был связан с царской охранкой, появились уже в начале его революционной деятельности. Еще в 1919 году были обнаружены 12 провокаторов, работавших среди большевиков. А вот тринадцатого, имевшего кличку «Василий», так и не выявили. К вопросу о возможном провокаторстве Сталина вернулись во времена Н.С. Хрущева. Однако, по словам известной революционерки Ольги Шатуновской, накануне XX съезда КПСС Хрущев отказался использовать компрометирующие Сталина материалы со словами: «Это невозможно! Выходит, что нашей страной тридцать лет руководил агент царской охранки?»¹⁵.

Тем не менее тема эта вновь всплыла в 1980–1990-е годы. Высказываются различные точки зрения. Э. Радзинский, например, предлагает в своей объемной книге «Сталин» версию о том, что Коба являлся двойным агентом, а Ленин, якобы, знал о его использовании царской охранкой, однако польза, приносимая Джугашвили большевикам, была значительнее, и поэтому молодой грузин оказался в руководстве партии.

Обратим внимание на некоторые архивные материалы о пребывании Джугашвили на Севере и мы. Вологодская ссылка дает богатую пищу для размышлений по крайне запутанному и деликатному вопросу о том, являлся ли Сталин двойным агентом и не был ли он связан с царской охранкой, находясь в ссылке в Сольвычегодске и Вологде?

Из донесений тех же филеров, следивших за будущим генсеком в Вологде в июле–августе 1911 года, видно, что Сталин вел далеко не

соответствующий сложившимся стереотипам образ жизни. В библиотеке бывал нечасто, задерживался там ненадолго, не раз штрафовался за потерю литературы и несвоевременное ее возвращение. «Кавказец» изо дня в день навещал своих знакомых, но к себе в дом никого не приглашал.

Только однажды, по воспоминаниям вологодской девушки С.П. Крюковой, «...приходил к нему на квартиру (в декабре 1911 – январе 1912 – С.Ш.) один товарищ такого же роста, как Иосиф Виссарионович, тоже смуглый»¹⁶. Листая пожелтевшие документы, я вновь натолкнулся на описание человека, похожего на Сталина, уже в воспоминаниях другой женщины. Она была поразительно наблюдательна, практична и близко знала Иосифа Джугашвили во время его первой ссылки в Сольвычегодск (ссылочный был дружен с ее мужем и часто бывал у них дома). Так вот из ее воспоминаний следует, что если среди ссылочных «...были люди-изменники, то с такими расправлялись по-своему. Пример, был ссылочный по имени Мустафа, а фамилии я не помню, лет ему было 27-30, он был среднего роста, черноватый, он-то и оказался изменщиком. То, по словам второго их товарища по имени Карл, фамилии я не знаю, был утоплен под большим угором реки Вычегды. Карл имел лет 20-23. Он принес купленного барана на базаре и просил его зажарить всего, говоря, это будет тризна о Мустафе. Справив тризну вечером по Мустафе, Карл в эту ночь бежал из Сольвычегодска»¹⁷.

Не слишком ли демонстративной была тризна по Мустафе? И не он ли объявлялся позднее в Вологде на квартире Сталина? Тем более, что так и не установлена личность человека, сопровождавшего Сталина в поезде от Вологды до Петербурга в сентябре 1911 года. Вот и внук внебрачного сына В.К. Кузаков во время пребывания в Сольвычегодске ссылается на какого-то Якуба, который был охранником ссылочного Сталина. Все это вполне вписывается в поведение ссылочного Кобы и требует дополнительных поисков.

В телевизионном 7-серийном фильме «Сталин», показанном несколько лет назад, тоже

имеется ряд сюжетов, посвященных пребыванию вождя на Севере. Один из них – рассказ сына Абрама Исааковича Иванянца о трагической судьбе родителей. Гибель отца была вызвана тем, что Сталин узнал его при неожиданной встрече в Москве в 1936 году.

Действительно, судя по документам, «бывший студент Томского технологического института, уроженец г. Кубы Бакинской области» А. Иванянец находился в ссылке в Вологде одновременно со Сталиным. Более того, в жандармских сведениях о И.В. Джугашвили в разделе «революционные связи в Вологде» А. Иванянец проходит под первым номером. Он был обыскан в связи с арестом Сталина в Санкт-Петербурге за попытку прописаться в гостинице с чужими документами. Интересно, что Абрам Исаакович «...производил денежные сборы среди ссылочных и оказывал помощь заключенным в Вологодской губернской тюрьме»¹⁸. Чем он был опасен для вождя спустя четверть века, остается тайной.

В доме, где снимал комнату, Сталин не обедал, на его столе кроме чайника, по свидетельствам очевидцев, обычно ничего не было. Вопрос этот заинтересовал и работника архангельского областного партийного архива Пирогова, опрашивавшего в январе 1936 года близкого знавшего ссылочного С. Крюкову: «Редко обедал, говорите, а как это было, приглашали или как?» – Крюкова: «На своем содержании жил, не готовили для него ничего». – Пирогов: «Сам продукты покупал?» – Крюкова: «Вероятно, в столовой где-нибудь обедал»¹⁹.

Это было достаточно накладно для обычного ссылочного, получавшего 7 р. 40 к. месячного содержания, если учесть, что снимаемая комната в месяц обходилась в 3-4 р. Из вологодской ссылки Сталин не обращался за финансовой поддержкой ни к друзьям, ни к организациям. А вот оказавшись в ссылке в Сибири, он буквально «бомбардировал» просьбами о денежной помощи.

Обращает на себя внимание излишняя «легкость», с которой Сталин в случае партийной необходимости «может сняться» из ссылки,

о чем он и пытался сообщить Ленину. Однако, очевидно, пока нужды в «задыхающемся без дела Кобе» не было, и он продолжал отбывать свой срок на Вологодчине.

Казалось бы, зачем рисковать накануне долгожданной свободы и так необходимой легальности. Но будущий вождь принимает участие в первомайской сходке ссылочных. Почти два месяца спустя – 23 июня он получает от сольвычегодского уездного исправника «билет» такого содержания: «Предъявитель сего И.В. Джугашвили подлежит согласно постановления Вологодского губернатора от 18 июня с.г. за № 360 выдержанию под арестом в полицейских камерах, в течение трех суток с 23 по 26 июня сего 1911 года»²⁰. В то время как другие арестованные, в частности А. Шур и А. Лежаев, были подвергнуты заключению в тюрьме.

Еще один немаловажный нюанс заключается в том, что 27 июня, т.е. на следующий день после отсидки в полицейских камерах, Сталин от надзора полиции был освобожден²¹. А на запрос Вологодского жандармского управления о необходимости проведения обыска на квартире ссылочного перед его близившимся отъездом, московское охранное отделение 28 августа ответило: «Обыск Джугашвили недопустим, случае отлучки сопровождайте наблюдением, одновременно телеграфируя мне времени, направления поездки. Полковник Заварзин»²². Причем накануне выезда Джугашвили из Вологды в Москву и Петербург начальникам охранных отделений были посланы телеграммы. В Петербург, куда направлялся бывший ссылочный, не имея на то разрешения, из Москвы поступила еще одна директива: «Прошу не подвергать аресту выезде, сопровождать наблюдением, подробности почтой»²³.

Удивительна лояльность жандармского управления по отношению к Сталину. Он «скрывается» из Сольвычегодска в июне 1909 года, затем в сентябре 1911 под чужим паспортом уезжает в запретный для него Санкт-Петербург. И каждый раз ссылочного по его желанию возвращают в Вологду.

Бакинский градоначальник, между прочим, в июне 1910 года предлагал по отношению к Джугашвили «принять высшую меру взысканий – высылку в самые отдаленные места Сибири на 5 лет»²⁴. Сталин, узнав об этом, 29 и 30 июня обращается с прошениями: «...Не понимаю такой суровой меры, считаю необходимым заявить... что при задержаниях за мной ничего предосудительного не находилось. ...В виду имеющегося у меня туберкулеза легких... прошу применить возможно меньшую меру пресечения. Одновременно прошу разрешить вступить в законный брак с проживающей в Баку С.Я. Петровской»²⁵. Еще одна загадка, которую, впрочем, попытался разгадать С. Турченко в газете «Труд» за 7 июня 2001 года. Там же есть фотография еще одного, уже сибирского «внука» Сталина.

Два месяца спустя канцелярия заместителя на Кавказе удовлетворила прошение заключенного: «Принимая во внимание, что И.В. Джугашвили из места высылки Вологды скрылся... признать необходимым отправление его в место прежней ссылки»²⁶.

Вождь-мистификатор. На все эти тонкости автор, может быть, не обратил бы внимания, если б не пристальный интерес к материалам ссылки Сталина со стороны НКВД в последующие годы: вначале в годы «великого» перелома, а затем во второй половине 1930-х.

22 декабря 1936 года, как раз после дня рождения Сталина, секретарь Севкрайкома Д. Конторин телеграфировал в ЦК ВКП(б) «тов. Ежову Н.И.: согласно наших переговоров посылаем по описи дела, извлеченные из Северного краевого архива, о царской ссылке тов. Сталина в гор. Сольвычегодск и Вологду»²⁷.

Однако 8 апреля 1938 года заведующий Архангельским отделом Центрального партархива Федосеев вынужден вновь докладывать в управление НКВД по Архангельской области: «Согласно вашего требования высылаем копию описи на архивные материалы о ссылке тов. И.В. Сталина, направленные в ЦК ВКП(б) в 1936 году, и опись на архивные материалы, находящиеся в Истпарте»²⁸.

Дело приобретало нешуточный оборот и через неделю «тов. Дементьеву НКВД» поступает еще одно письмо следующего содержания:

«Дело № 1903 о тов. Сталине, полученное в Вологодском архиве Хорошко и Сенчуковым, сфотографированное истпартом, бывший секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Конторин (разоблаченный как «враг народа») заделал при мне лично в конверт с адресом на имя тов. Поскребышева (секретариат тов. Сталина. – С.Ш.). Препроводительную писал Попов Николай, работавший тогда в отделе печати, он должен это помнить. Отсылал Конторин это дело, вероятно, через фельдсвязь, через своего секретаря Толстикова (арестованного органами НКВД). Было это в тот момент, когда по распоряжению Конторина отсылали дела, хранившиеся в истпарте, на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. Ежова Н.И. Эти дела на имя тов. Ежова в заделанном виде мной и тов. Федосеевым были переданы фельдсвязи для отсылки по указанному выше адресу. Опись на отосланные дела тов. Ежову имеется у вас в НКВД. Зав. истпартотделом Арх. обкома ВКП(б) Пирогов»²⁹.

В мае 1938 года заведующий истпартом Архангельского обкома Пирогов получает письмо из Москвы следующего содержания:

«По поводу Вашего письма в редакцию «Правды Севера» о публикации историко-партийных материалов сообщаем, что такая публикация в местной печати целесообразна. Желательно, однако, чтобы предполагаемые к публикации материалы и фото предварительно присылались в Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) для просмотра. Документальные материалы и снимки, касающиеся тт. Сталина, Молотова и Ворошилова, должны обязательно до их опубликования представляться в ИМЭЛ. Зам. директора В. Сорин»³⁰.

31 мая уже в совместном письме заведующий истпартотделом Архангельского обкома Пирогов и заведующий областным архивным отделом Центрпартархива Федосеев еще раз подтверждают, что «документы высланы еще в 1936 году... Если Вы считаете необходи-

мым сосредоточить хранение всех документов, относящихся к пребыванию И.В. Сталина... просим Вас обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) т. Ежову Н.И. и секретариат т. Сталина к т. Поскребышеву»³¹.

Интересно и то, что новый секретарь обкома А. Никаноров, как и его предшественники В. Иванов и Д. Конторин, продолжал достаточно активно собирать материалы о пребывании Сталина в ссылке на Севере³². Но такое хобби, несмотря на подбострастие подчиненных, видимо, не устраивало Хозяина Кремля. Любознательные не в меру функционеры были репрессированы.

Почему материалы сталинской ссылки на Север «извлекались» из Северного краевого архива? Почему они направлялись Ежову и Поскребышеву? Зачем потребовалось уточнение всех этих материалов два года спустя? Почему ИМЭЛ располагал информацией о редакционной почте архангельской областной газеты? Не сыграл ли свою роковую роль в трагической судьбе А. Никанорова, как и его предшественников, излишний интерес к биографии вождя? Почему, наконец, так и не была издана книга, подготовленная историками Севера о сталинском пребывании в Сольвычегодске и Вологде? Вопросы, на которые пока нет однозначных ответов. Автор склонен думать, что разговоры о причастности Сталина к царской охранке небеспочвенны, надеюсь, что историки Севера докопаются до истины в этом вопросе. А пока для размышлений другая версия.

Э. Радзинский считает, что Сталина большевики «сдали» царской охранке после выборов в IV Государственную думу, т.к. как в нем отпала нужда. У меня возникла иная версия. Выше уже указывалось на то, что решение о высылке в Вологодскую губернию принималось самим П.А. Столыпиным, председателем Совета Министров и министром внутренних дел России.

Последующие аресты и ссылки Сталина характеризуются не только подозрительной лояльностью царской охранки по отношению к активному деятелю большевистского движения, но и долгими «размышлениями» органов внут-

ренних дел о мерах пресечения и наказания. Исследователям биографии Сталина не удалось даже проследить «этапный путь арестованного в 1910 году из Баку в Сольвычегодск». Это признание тоже оказалось вычеркнутым из подготовленной к изданию книге «Сталин в царской ссылке на Севере».

Определенным рубежом между Сталиным-провокатором и Сталиным-революционером оказалась, возможно, смерть П.А. Столыпина и последовавшее за этим возведение И. Джугашвили в ранг одного из лидеров большевистской партии. В архиве имеется письмо вологодского губернатора вологодскому полицмейстеру от 4 сентября 1911 года! В нем губернатор «запрашивает полицмейстера: где находится И. Джугашвили, в Вологде или выбыл и если выбыл, то куда?»

Не связано ли любопытство губернатора с известием о смертельном покушении на Столыпина в Киеве 1 сентября? Может быть, Коба не случайно неожиданно срывается из Вологды 6 сентября 1911 года в Санкт-Петербург, несмотря на то, что, во-первых, въезд туда ему был запрещен, во-вторых, у него была возможность остаться в Вологде до 25 сентября и получить за это время необходимые документы для своей легализации.

Ссылный, тем не менее, выезжает, не дождавись выдачи паспорта на свое имя, с документами П. Чижикова. Скорее всего, он едет в столицу тоже в связи с получением известия о смерти Столыпина, наступившей, как известно, в результате так и не раскрытого до конца покушения в Киеве, с целью выяснить свою дальнейшую судьбу в жандармской иерархии. Неслучайно в Санкт-Петербурге, по словам Э. Радзинского, он буквально искал контактов с охранкой.

По всей вероятности, новое руководство министерства внутренних дел не произвело на

него должного впечатления, хотя окончательно Коба еще не порывает с ним отношений. Поэтому, когда весной 1912 года Сталина ссылают в Нарымский край, ему «не мешают» совершить пятый героический побег в надежде на продолжение сотрудничества.

Однако судьбе было угодно распорядиться по-другому. Сталин, видимо, оставался агентом царской охранки до поездки за границу осенью 1912 года и до встречи с Лениным. Не большевики сдали его царской охранке, а сам Сталин порвал с ней после того, как его признали в качестве одного из лидеров большевистского движения. И когда его вновь арестовали в апреле 1913 года, Иосиф Джугашвили уже не пошел на сотрудничество с прежней властью³³.

Косвенно на это указывает Л.Д. Троцкий в работе «Иосиф Сталин. Опыт характеристики». «Только в 1912 году, – пишет он, – Коба, доказавший в годы реакции свою твердость и верность партии, переводится с провинциальной арены на национальную. Конференция партии (Пражская. – С.Ш.) не соглашается, правда, ввести Кобу в ЦК. Но Ленину удается добиться его кооптации самим Центральным Комитетом. С этого времени кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали»³⁴. Напрямую эту версию подтверждает и так называемое письмо полковника Департамента полиции Еремина: «После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге, Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с охранкой»³⁵.

Поэтому его последняя ссылка в Туруханский край и продолжалась в отличие от предшествующих целых четыре года вплоть до Февральской революции. А вот аморальность поведения будущего вождя проявлялась уже тогда и в Вологде, и в Туруханском крае.

Примечания

¹ ГА АО (Гос. арх. Арх. обл.). Отдел документов социально-политической истории (далее – Отдел ДСПИ). Ф. 290. Оп. 1. Д. 45. Л. 32.

- ²ГА АО. Отдел ДСПИ. Ф. 853. Оп. 10. Д. 1. Л. 21; Д. 48. Л. 31.
³Там же. Д. 50. Л. 28.
⁴Там же. Д. 1. Л. 1.
⁵Белов В. Год Великого перелома. Хроника начала 30-х годов. М., 1994. С. 13.
⁶См.: Шубин С.И. Архангельские оппортунисты // Отеч. история. 1999. № 1. С. 145–151.
⁷Жирнов Е.К. Кузаков – сын И.В. Сталина // Аргументы и факты. 1995. № 39; Плимак Е., Антонов В. «Сталин знал, что делал» // Правда Севера. 1996. 20 июня.
⁸Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 74–78.
⁹ГА АО. Отдел ДСПИ. Ф. 859. Оп. 10. Д. 45. Л. 5.
¹⁰Там же. Л. 5; Д. 43. Л. 6.
¹¹Там же. Д. 48. Л. 35.
¹²Там же. Д. 79. Л. 6.
¹³Там же. Д. 17. Л. 18–21, 25, 28.
¹⁴Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 31–33.
¹⁵Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 87.
¹⁶ГА АО. Отдел ДСПИ. Ф. 859. Оп. 10. Д. 31. Л. 7.
¹⁷Там же. Д. 44. Л. 7; Д. 45. Л. 1–2.
¹⁸Там же. Д. 39. Л. 2; Д. 17, Л. 54; Оп. 11. Д. 21. Л. 10.
¹⁹Там же. Д. 43. Л. 12.
²⁰Там же. Д. 13. Л. 42.
²¹Там же. Л. 40, 42, 45.
²²Там же. Д. 13. Л. 67.
²³Там же. Д. 14. Л. 16, 19.
²⁴Там же. Д. 67. Л. 62.
²⁵Там же. Л. 63, 65.
²⁶Там же. Л. 72.
²⁷Там же. Д. 62. Л. 26.
²⁸Там же. Л. 21, 26.
²⁹Там же. Л. 22.
³⁰Там же. Д. 59. Л. 12.
³¹Там же. Д. 62. Л. 25–25об.
³²Там же. Д. 59. Л. 13, 14; Д. 59, 60.
³³Троцкий Л.Д. Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 629.
³⁴Там же. С. 628.
³⁵Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб.; М., 2002. С. 463 (Правда, не все историки признают подлинность письма Еремина. См. подроб.: Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 90–98; Родина. 1989. № 5. С. 66–69).

Shubin Sergey

STALIN'S SOLVYCHEGODSK DEPORTATION

On the occasion of Stalin's 130th anniversary the given article tells about his Solvychegodsk deportation where the young revolutionary was transported 100 years ago. The author analyzes the attitude of the secret political police to the future leader as well as the consequences of this exile that lasted about 18 months and remained as a remarkable event in the history of the region.

Контактная информация:
e-mail: serg1946@atknet.ru

Рецензент – Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова